
А. Г. БОБРОВ

**«Рука Москвы»:
Правка текста в Синодальном списке
Новгородской первой летописи**

Выражение «Рука Москвы», больше подходящее для шпионских романов или мемуаров разведчиков, может быть с полным основанием применено к исправлениям текста в пергаменном Синодальном списке (ГИМ, Синодальное собр., № 786) Новгородской первой летописи (далее — Н1Л; старший извод, представленный Синодальным списком, обозначается сокращенно как Н1Л ст.), особенно к самому известному из них — замене слов «чересь крестное цѣлование» на слова «за новгородскую измѣну». В свое время Н. Н. Яниш схожим образом охарактеризовал исправления «Софийского временника» (так он называл Софийскую первую летопись) в сравнении с Н1Л: «видна Московская рука».¹ Наиболее яркое «промосковское» исправление текста, давно уже привлечшее внимание исследователей, находится на заключительных листах Синодального списка, в той его части, которая продолжает основную хронологическую сетку, но дописана другими почерками, поэтому в первую очередь следует обратить внимание на эти заключительные листы рукописи.

Напомним, что в Синодальном списке Н1Л ст. традиционно выделяется три неравные части. Первая часть написана почерком XIII в. и доводит повествование до 1234 г. (л. 1—118 об.),² вторая часть датируется XIV в. и охватывает события 1234—1330 гг. (л. 119—166 об.)³ и, наконец, интере-

---

¹ Яниш Н. Н. Новгородская летопись и ее московские переделки // ЧОИДР. 1874. Кн. 2, отд. 1. С. 53.

² Текст первой части см.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред., с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 15—73. По мнению С. В. Богданова, вторая часть Синодального списка была написана не в XIV в., а в первой половине XV в. для восполнения лакуны между окончанием первой части (1234) и началом третьей части (1330), однако его построения не нашли поддержки у других исследователей (см.: Богданов С. В. К вопросу об истории появления Синодального списка Новгородской первой летописи // Новгород и Новгородская земля: История и археология: (Материалы науч. конф.). Великий Новгород, 2004. Вып. 18. С. 105—130).

³ Текст второй части см.: Новгородская первая летопись... С. 73—99.

сующая нас более всего третья часть состоит из дополнительных листов с записями разными почерками, которые охватывают события 1330—1352 г. (л. 167—169).⁴

В первую очередь отметим самостоятельный характер и независимое от основного кодекса происхождение третьей части Синодального списка. Вся рукопись состоит из 21 тетради по 8 листов в каждой (2 листа вырезаны, но их корешки сохранились), а последние три листа подшиты отдельно. Они отличаются от основной части кодекса и по размеру: если размер пергаментных листов всей рукописной книги составляет приблизительно 123—124 × 178 мм, то размер трех дополнительных листов — 120—121 × 174—177 мм. Кроме того, на них нет разлиновки на 23 строки, присутствующей в предшествующей части рукописи.⁵ Отсутствуют в этой части рукописи и киноварные инициалы, характерные для первых частей кодекса. Кроме того, сам текст написан заметно более небрежно и неровно. Нет никаких сомнений в том, что эти три листа, как справедливо отметил А. Н. Насонов, «были дополнительно сброшированы в конце».⁶

Для того чтобы понять, как и когда это могло быть сделано, обратимся собственно к тексту приписок, сопоставляя его с соответствующими чтениями Новгородской первой летописи младшего извода (далее — Н1Л мл.) и других источников.

Всего в дополнительной части Синодального списка имеется семь годовых статей: конец статьи 6838 [1330] г. и полностью статьи 6839 [1331], 6840 [1332], 6841 [1333], 6845 [1337], 6853 [1345] и 6860 [1352] гг. Они написаны, как принято считать, четырьмя почерками:

Почерк А: статьи за 6838—6841 гг. (л. 167—167 об., строка 16). Записи сделаны одним писцом, но в разное время: сначала были написаны строки 1—5 (известия 1330 и 1331 гг.), а позже — остальная часть (известия 1332—1333 гг.).⁷ См. рис. 1, 2.

Почерк В: статья 6845 г. (л. 167 об., строки 17—25). См. рис. 3.

Почерк С: статья 6853 г. (л. 168). См. рис. 4.

Почерк D: статья 6860 г. (л. 168 об.—169). См. рис. 5. На наш взгляд, почерк D весьма схож с почерком А.

Хотя эти приписки неоднократно становились предметом исследования,⁸ их детальный комплексный анализ и комментарий к ним до сих пор не предпринимался.

⁴ Текст третьей части см.: Новгородская первая летопись... С. 99—100. См. рис. 1, 2, 3, 4, 5.

⁵ [Насонов А. Н.]. Предисловие // Новгородская первая летопись... С. 6—7.

⁶ [Насонов А. Н.]. Предисловие. С. 5.

⁷ Подробное обоснование см.: Гимон Т. В. Приписки на дополнительных листах в Синодальном списке Новгородской I летописи // Норна у источника Судьбы : Сб. ст. в честь Е. А. Мельниковой. М., 2001. С. 56—60.

⁸ *Shakhmatov* A. A. An account of the text of the Novgorod Chronicle // The Chronicle of Novgorod, 1016—1471. London, 1914. P. XXXIX; *Шахматов* А. А. 1) Киевский начальный свод 1095 г. // А. А. Шахматов. 1864—1920: Сб. ст. и материалов. М.; Л., 1947. С. 128; 2) История русского летописания. СПб., 2002. Т. 1, кн. 2. С. 437; *Троцкий* И. М. Опыт анализа первой Новгородской летописи // Изв. АН СССР. Сер. 7: Отд-ние общественных наук. 1933. № 5. С. 351—352, 359—361; [Насонов А. Н.]. Предисловие. С. 5—6, 99—100 (примечания); *Лихачев* Д. С. Софийский временник и новгородский

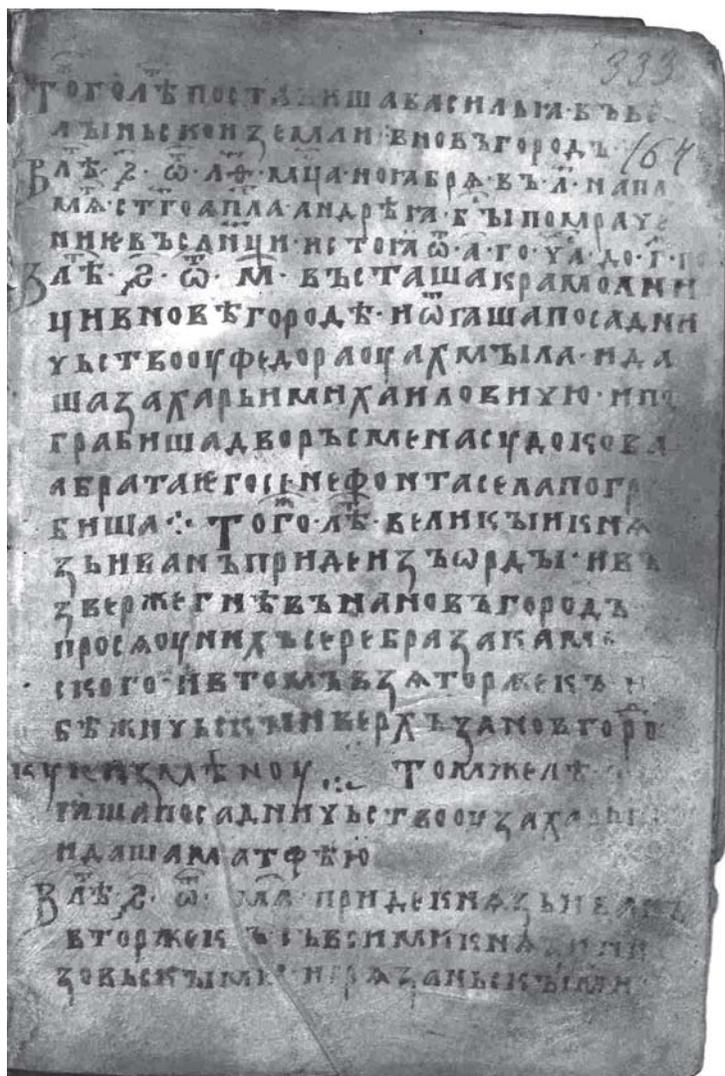

Рис. 1. ГИМ, Синодальное собр., № 786, л. 167.
Летописные статьи 1330—1333 гг. Юрьев монастырь

политический переворот 1136 г. // Исторические записки. 1948. Т. 25. С. 265; Янин В. Л. К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в. // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 180—181; Vodoff W. Quelques remarques sur la Première chronique de Novgorod // Studia slavica mediævalia et humanistica Riccardo Picchio dicata. Roma, 1986. P. 748—751; Rowell S. C. Lithuania Ascending: A Pagan Empire within East-Central Europe, 1295—1345. Cambridge, 1994. P. 45; Гунтуис А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // НИС. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 17, 21, 34, 69—70; Гимон Т. В. 1) Приписки на дополнительных листах в Синодальном списке Новгородской I летописи. С. 53—60; 2) Новгородское историописание в правление архиепископа Василия Калики (1330—1352) (в печати). Пользуясь случаем выразить глубокую благодарность Т. В. Гимону за предоставление возможности ознакомиться с его неопубликованным исследованием.

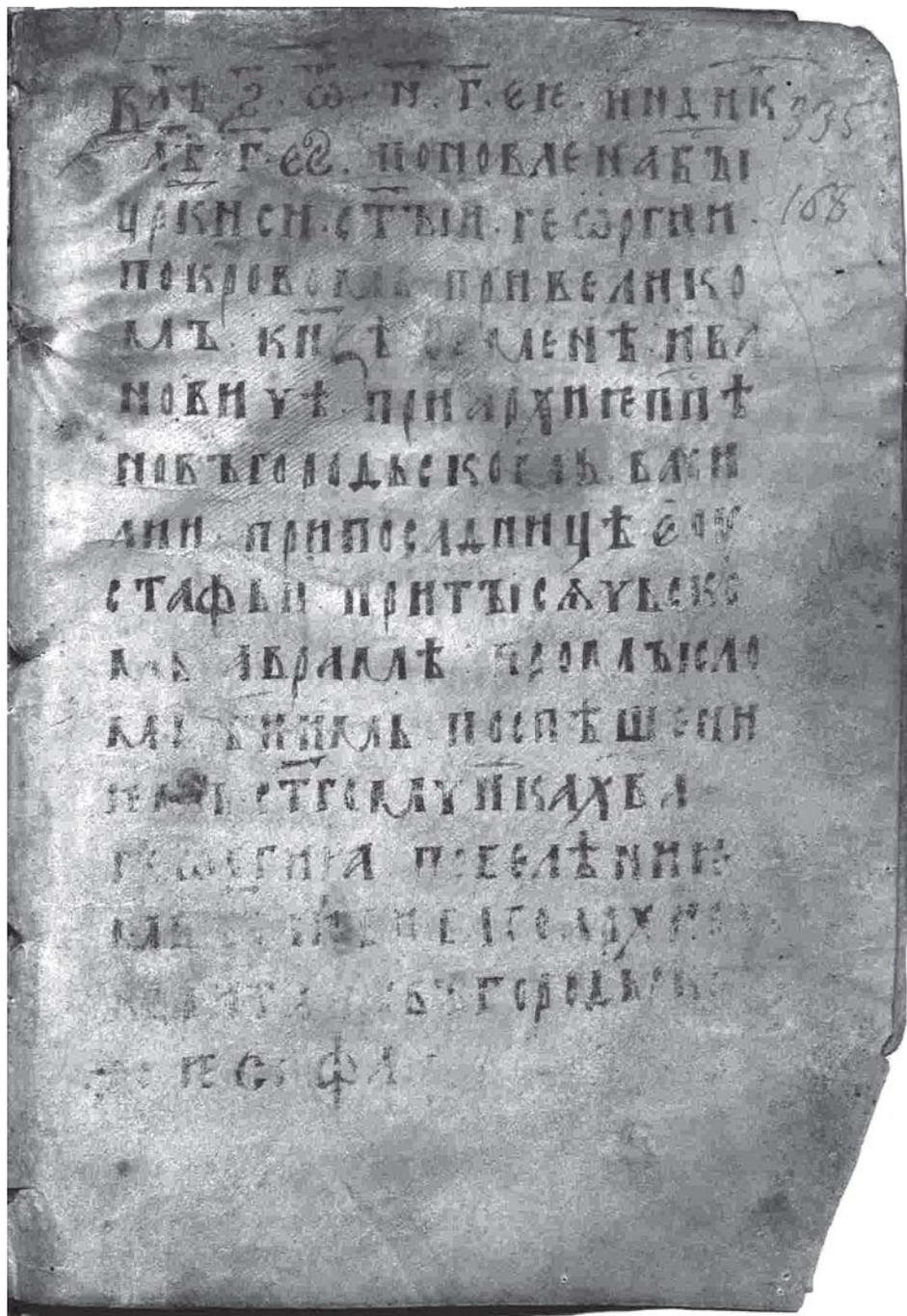

Рис. 4. ГИМ, Синодальное собр., № 786, л. 168.
 Летописная статья 1345 г. Юрьев монастырь

Рис. 5. ГИМ, Синодальное собр., № 786, л. 168 об.—169.
Летописная статья 1352 г. Юрьев монастырь

1. Текст приписок Синодального списка

По мнению исследователей, часть текста приписок на дополнительных листах Синодального списка (за 6840—6841 гг.) заимствована из новгородской владычной летописи (далее — НВЛ) (отразившейся наиболее полно в Н1Л мл.), а часть представляет собой оригинальные записи (текст за 6838—6839, 6845, 6853, 6860 гг.).⁹

Известие 6838 [1330] г.

Синодальный список Н1Л ст.

Н1Л мл.

// (л. 167) Того же лѣта поставиша Василья въ Вельньской земли в Новѣгородѣ.

Того же лѣта <...> поиха Василии на владычество ставится в Волянскую землю <...> и поставиша его.

Этот текст представляет собой окончание рассказа о поставлении в архиепископы Василия Калики.¹⁰ Первая фраза на дополнительных листах

⁹ Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи. С. 21, 34, 69—70.

¹⁰ Согласно древнерусским источникам, священник Козмодемьянской церкви на Холопъей улице был избран новгородским владыкой и 1 января 1331 г. принял постриг с именем в честь поминаемого в этот день святителя Василия Великого, «дондеже пошлют к митрополиту». 24 июня он отправился из Новгорода на поставление во

Синодального списка продолжает рассказ летописной статьи 6838 [1330] г., который находится на предыдущем листе (последнем в основной части рукописи): «Тои же зимы приѣхаша послове от митрополита из Вельньской земли Федорко и Семенко, на страстной недѣли, позывать на ставление».¹¹

Как отметил Т. В. Гимон, начало статьи 6839 г. Н1Л мл. почти дословно совпадает с окончанием статьи 6838 г. Синодального списка: «В лѣто 6839. Приихаша послове от митрополита из Вольтньской земли Федорко и Семенко, на страстной недѣли, зовуще на поставление». По мнению исследователя, расхождения в дате между двумя изводами Н1Л объясняются тем, что «Страстная неделя в 1331 г. приходилась на 25–30 марта,¹² т. е. это самое начало 6839 мартовского года. Нарушение границ соседних годов — типичнейшее явление в русском летописании. Ничто не мешает предположить, что первоначально в НВЛ известие о прибытии послов из Вольтньской земли завершало собой статью 6838 г. (и это состояние НВЛ отразилось в Син<одальном списке>), а позднее, когда НВЛ была продолжена следующими записями, летописец резонно решил, что Страстная неделя — это уже 6839 мартовский год, — и вставил слова перед данным известием «В лѣто 6839» (это состояние НВЛ отразилось в Н1Л мл.). Создатель 1-й приписки Син<одальном списке>, напротив, продолжил рассказ о поставлении Василия (записав коротко сам факт этого поставления и не задумавшись о возникшей хронологической ошибке), а затем, в качестве отдельной статьи, зафиксировал солнечное затмение, точную дату которого он помнил».¹³ Точка зрения Т. В. Гимона представляется более убедительной, чем построения С. В. Богданова, который считает, что текст за 6742–6838 гг. (вторая часть Синодального списка) был написан позже, чем дополнительные листы рукописи (уже в XV в.), и как бы подверстан к имевшемуся материалу, закрывая лауну в нем между 1234 и 1330 гг.¹⁴ Согласно С. В. Богданову, текст на л. 167 был написан ранее появления второй части Синодального списка, и писец этой второй части, чтобы избежать противоречия, события 6838–6839 гг. описал под одним годом.¹⁵ Точка зрения С. В. Богданова, однако, не находит палеографического подтверждения: вторая часть Синодального списка безусловно датируется не XV, а XIV веком, поэтому следует признать справедливость рассуждений Т. В. Гимона.

Владимир-Вольтньский, где в то время находился киевский митрополит Феогност. 25 августа 1331 г. он был хиротонисан во архиепископа Новгородского и Псковского, а вернулся в Новгород 8 декабря 1331 г. (*Пегников М. В. Василий Калика // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 7. С. 200–203*).

¹¹ Новгородская первая летопись... С. 99.

¹² *Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 284, 294 (Примеч. Т. В. Гимона).*

¹³ *Гимон Т. В. Новгородское историописание в правление архиепископа Василия Калики.*

¹⁴ *Богданов С. В. К вопросу об истории появления Синодального списка Новгородской первой летописи // Новгород и Новгородская земля: Материалы конф. Великий Новгород, 2004. Вып. 18. С. 105–130.*

¹⁵ Там же С. 108–110.

*Известие 6839 [1331] г.***Синодальный список НЛ ст.****НЛ мл.**

В лѣто 6839 [1331]. Мѣсяца ноября въ 30, на память святого апостола Андрѣя, бысть помрачение въ солнци и стоя от 1-го часа до 3-го.

Солнечное затмение, согласно астрономическим исследованиям, действительно произошло 30 ноября 1331 г.¹⁶ Оно наблюдалось не только на Руси, но также в Византии и в Австрии.¹⁷ В других летописях полностью совпадающего известия нет, однако выражение, схожее с фразой «помрачение въ солнци», читается в новгородских летописях, начиная с середины XV в.: в Новгородской четвертой летописи («Того же лѣта помрачение бысть солнцю»¹⁸) и в Летописи Авраамки («Бысть помрачение солнцю»¹⁹). Учитывая, что НЛ мл. об этом затмении вообще не упоминает, можно предполагать использование при работе над протографом Новгородской четвертой летописи самого Синодального списка. Интересно, что в московском летописании также есть информация об этом затмении, но иначе лексически оформленная: «помръкне солнце».²⁰

*Известие 6840 [1332] г.***Синодальный список НЛ ст.****НЛ мл.**

В лѣто 6840 [1332]. Въсташа крамолницѣ в Новѣгородѣ, и отьяша посадничество у Федора у Ахмыла и даша Захарьи Михайловичю, и пограбиша дворъ Смена Судокова, а брата его Сенефонта села пограбиша. Того же лѣта великыи князь Иванъ приде изъ Орды и възверже гнѣвъ на Новѣгородъ, прося у нихъ серебра закамьского, и в томъ взя Торжокъ и Бѣжичьскыи верхъ **за новгородскую измѣну**. Том же лѣтѣ отьяша посадничество у Захарьи и даша Матфѣю.

В лѣто 6840 [1332]. Въсташа крамолницѣ в Новѣгородѣ, и отьяша посадничество у Федора у Ахмыла и даша Захарьи Михайловичю, и пограбиша дворъ Смена Судокова, а брата его Сенифонта села пограбиша. Того же лѣта великыи князь Иванъ приде изъ Орды и възверже гнѣвъ на Новѣградъ, прося у нихъ серебра закамьское, и въ томъ взя Торжокъ и Бѣжичьскыи верхъ **чересь крестное цѣлование**. В том же лѣтѣ отьяша посадничество у Захарьи и даша Матфѣю **Коскѣ**.

В этой годовой статье содержатся три летописных известия: о восстании новгородцев против посадника Федора Ахмыла, о столкновении с Иваном Калитой и о передаче посадничества от Захарьи к Матвею. Текст летописной статьи полностью совпадает с текстом НЛ мл., за двумя исключениями: вместо слов «чересь крестное цѣлование» по выскобленному пергаменту написано более поздним почерком: «за новгородскую измѣну» (см. рис. 6). На этом исправлении текста мы более подробно остановимся ниже. Следует отметить и второе отличие текста: в НЛ мл. читается прозвище новгородского посадника — «Коска», которого нет в Синодальном списке,

¹⁶ *Святский Д. О.* Астрономия Древней Руси. С каталогом астрономических известий в русских летописях, составленным М. Л. Городецким. М., 2007. С. 58.

¹⁷ Там же. С. 86–87.

¹⁸ ПСРЛ. Пг., 1915. Т. 4, вып. 1. С. 263.

¹⁹ ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. Стб. 67.

²⁰ ПСРЛ. СПб., 1885. Т. 10. С. 204 (Никоновская летопись).

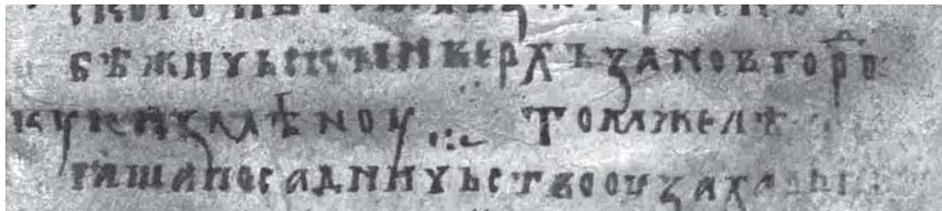

Рис. 6. ГИМ, Синодальное собр., № 786, л. 167.
Правка «за новгородскую измену» в статье 1332 г. Юрьев монастырь

однако в нем, что не было ранее отмечено исследователями, также видны следы скобления. Следовательно, первоначально текст Синодального списка был практически полностью идентичен тексту Н1Л мл., и лишь в результате чьей-то правки появились отмеченные разночтения. Поскольку правка Синодального списка не отразилась в последующем летописании, мы лишены возможности говорить о «верхней хронологической границе» ее появления.

Известие Синодального списка, что «великий князь Иванъ приде изъ Орды и възверже гнѣвъ на Новѣгородъ, прося у нихъ серебра закамского», не случайно вызвало противоположные оценки новгородского и московского летописцев. В 1331 г., после смерти Александра Васильевича Суздальского, Ивану Калите удалось добиться в Орде передачи ему всего великого княжения и вдобавок к нему половины Ростова. Принять это решение татар побудили обильные дары московского князя, для покрытия которых Калита в 1332 г., видимо, и потребовал от Новгорода выплаты «закамского серебра», что привело к первому в истории московско-новгородских отношений серьезному конфликту. Вычегодско-Вымская летопись отмечает следующее: «Лета 6841 [1333] г. князь великий Иван Данилович взверже гнев свой на устюжцов и на ноугородцов, по что устюжци и ноугородцы от Вычегды и от Печеры не дают чорный выход Ордынскому царю, и дали князю Ивану на черный бор Вычегду и Печеру, и с тех времен князь московский почал взимати дани с пермские люди». Таким образом, речь шла о даянх, которые новгородцы раньше не платили великому князю, следовательно, ссылка на «измену» была здесь неправомерна. Скорее надо признать правоту новгородского летописца, который считал требование новых даней нарушением сложившихся межгосударственных отношений и договоров («чересь крестное цѣлование»).

Известие 6841 [1333] г.

Синодальный список Н1Л ст.

В лѣто 6841 [1333]. Приде князь Иванъ в Торжекъ съ всеми князи низовьскими и с рязаньскими, // (л. 167 об.) и присла в Новѣгородъ, сведе намѣстники, а самъ сѣде в Торжку от Крещения до Сбора, теряя волость Новгородскую. И послаша новгородци послы, зовуче его в Новѣгород: архимандрита Лаврентия, Федора Твердислав-

Н1Л мл.

В лѣто 6841 [1333]. Приде князь Иванъ в Торжокъ съ всѣми князи низовьскими <вариант: и с рязаньскими>, и присла в Новѣгородъ, и сведе намѣстники, а самъ сѣде в Торжку от Крещения и до Збора, теряя волость Новгородчкую. И послаша новгородци послы, зовуче <вариант: доб. его> в Новѣгород: анхимандрѣта Лаврентия, и Федора

лича, Луку Вальфромѣва; и онъ молбы не приялъ, а ихъ не послушалъ, а миру не да, поѣха прочь. Того же лѣта архиепископъ новгородскыи Василии постави городъ камень въ два лѣта. И архимандритъ святого Юрья Лаврентии постави стѣны святого Юрья силою 40 сажень и съ заборолами.

Твердиславля, Луку Валфромѣва; и онъ молбы не приялъ, а ихъ не послушалъ, а миру не даль, и прочь поихалъ. Того же лѣта владыка Василии <...> городъ каменьи постави, **поспѣшениемъ Божьимъ**, въ два лѣта.

Как отмечает Т. В. Гимон, «текст Син. за 6841 г. — это не что иное, как первая половина статьи этого года Н1Л мл.».²¹ Тот факт, что в записи Синодального списка использована только первая половина статьи Н1Л мл., исследователь объясняет тем, что на момент ее создания второй части годовой статьи в источнике Н1Л мл. — Новгородском владычном своде — еще не было: «Видимо, на момент создания 2-й приписки текст в НВЛ доходил до сообщения о строительстве новгородских стен; сейчас в Н1Л мл. статья 6841 г. продолжается потом другими известиями, однако они, видимо, появились в НВЛ уже после создания 2-й приписки Син.».²²

Существенное дополнение к статье НВЛ в записи Синодального списка относится к строительству укреплений Юрьева монастыря: «И архимандритъ святого Юрья Лаврентии постави стѣны святого Юрья силою 40 сажень и съ заборолами». Наряду с другими чтениями данная фраза позволила многим исследователям говорить о юрьевском происхождении не только дополнительной части Синодального списка, но и всей рукописи.²³

Известие 6845 [1337] г.

Синодальный список Н1Л ст.

Н1Л мл.

В лѣто 6845 [1337]. Индикта 5 наважениемъ дияволимъ сташа простая чадь на архимандрита Есифа, а думой старого архимандрита Лаврентия, и створиша вѣче, и запроша Есифа въ церкви святого Николы; и сѣдоша около церкви ношь и день коромолници, стрегуще его. А оже кто подь другомъ копаетъ яму, самъ впадется в ню.

В лѣто 6845 [1337]. Наважениемъ дияволимъ сташа простая чадь на анхимандрита Есифа, и створиша вѣче, запроша Есифа въ церкви святого Николы; и сѣдоша около церкви ношь и день коромолници, стрегуще его. Аже кто подь другомъ копаетъ яму, самъ впадется в ню.

Вновь почти полностью совпадающее с Н1Л мл. известие Синодального списка дополнено сведениями о юрьевском архимандрите Лаврентии: «а думой старого архимандрита Лаврентия». Судя по всему, перед нами выписка из НВЛ, дополненная в Юрьевом монастыре (добавлены лишь указание на индикт и обвинение в адрес бывшего архимандрита Лаврентия). О смерти Лаврентия говорится в Н1Л мл. под следующим, 6846 [1338] г.:

²¹ Гимон Т. В. Новгородское историописание в правление архиепископа Василия Калики.

²² Там же.

²³ Троцкий И. М. Опыт анализа первой Новгородской летописи. С. 351–352, 361; Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1, кн. 2. С. 437; Vodoff W. Quelques remarques... Р. 748–751; Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи. С. 17, 21 и др.

«Того же <лѣта — Ак.> преставися анхимандрить Лаврентѣи святого Георгиа, и посадиша Есифа». Т. В. Гимон рассуждает: «следовательно, в 6845 г. Лаврентию удалось стать снова архимандритом, а Есиф вернулся на этот пост только после смерти конкурента в следующем году. Остается лишь гадать: была ли запись Син<одального списка> за 6845 г. сделана по горячим следам событий (и словами «самъ впадется в ню» ее автор лишь предрекал несчастья Лаврентию) или же в 6846 г. (и тогда эти слова в иносказательной форме говорят об уже случившейся смерти Лаврентия). Первое кажется более вероятным, однако тогда придется себе представить, что какой-то монах мог на принадлежавшей монастырю копии летописи сделать столь враждебную действующему архимандриту запись».²⁴ Существует и третий вариант интерпретации взаимоотношений между Есифом и Лаврентием: слова «оже кто подъ другомъ копаеть яму, самъ впадется в ню»²⁵ относятся не к Лаврентию, а к Есифу, т. е. автор приписки хочет сказать, что Есиф в свое время каким-то образом навредил архимандриту Лаврентию и теперь за это поплатился. Именно так понимают это место Дж. Феннел и С. В. Богданов,²⁶ однако Т. В. Гимон возражает им, указывая на то, что «автор приписки явно сочувствует Есифу, а не Лаврентию: восстание против Есифа, по словам автора, началось “наважениемъ дияволимъ”».²⁷ Таким образом, последовательность смены настоятелей в Юрьевом монастыре может быть представлена следующим образом:

- 1333 г. — Лаврентий;
- 1337 г. — Есиф;
- 1338 г. — Лаврентий (умер);
- 1345 г. — Есиф.

Противоборство двух противостоящих друг другу партий нашло отражение в смене архимандритов Юрьева монастыря, однако приписывать кому-то из них «промосковские» настроения источники не позволяют. Скорее всего, эта борьба явилась проявлением обычного для Новгорода противостояния боярских кланов.

Следует отметить, что запись 1337 г. сделана таким образом, что она обходит дыру в пергаменте, вызванную скоблением на лицевой стороне л. 167: слово «архи/мандрита» разрывается этим дефектом (рис. 3). О значении этого обстоятельства для датировки записей см. ниже.

²⁴ Гимон Т. В. Новгородское историописание в правление архиепископа Василия Калики.

²⁵ Фраза «А оже кто подъ другомъ копаеть яму, самъ впадется в ню» восходит к тексту Повести об Акире Премудром («А иже яму копаеть подъ другомъ, да самъ в ню впадетъ» — Григорьев А. Д. Повесть об Акире Премудром: Исследование и тексты. М., 1913. С. 233 (2-я паг.)). Как отметил А. Д. Григорьев, летописная формулировка в большей степени совпадает с фразой, завершающей Повесть об Акире Премудром, чем с аналогичными фразами из Священного Писания (Екк. 10: 8; Пс. 7: 16; Притч. 26: 27 — Там же. С. 486 (1-я паг.)).

²⁶ Fennel J. The Emergence of Moscow, 1304—1359. London, 1968. P. 153; Богданов С. В. К вопросу о датировке жалованных грамот великого князя Ивана Даниловича Юрьеву монастырю и печорским сокольникам // Новгород и Новгородская земля: Материалы конференции. Великий Новгород, 2008. Вып. 22. С. 238.

²⁷ Гимон Т. В. Новгородское историописание в правление архиепископа Василия Калики. Ср.: Шахматов А. А. История русского летописания. СПб., 2003. Т. 1, кн. 2. С. 437.

Известие 6853 [1345] г.

Синодальный список Н1Л ст.

Н1Л мл.

В лѣто 6853-е. [1345] Индикта лѣто 3-е, поновлена бысть церки си святыи Георгии покровомъ, при великомъ князѣ Семенѣ Ивановичѣ, при архиепископѣ новъгородьскомъ Василии, при посадницѣ Еустафѣи, при тысячьскомъ Аврамѣ промысломъ Божиимъ, поспѣшениемъ святого мученика Христова Георгия, повелѣниемъ боголюбиваго архимандрита новъгородьского Есифа.

Того же лѣта поновлена бысть церкви святыи Георгии, **покровень бысть новымъ свинцомъ**, при великомъ князи Семеонѣ Ивановичѣ?

промысломъ Божиимъ и поспѣшениемъ святого мученика Христова Георгия, замышлениемъ архимандрита Есифа.

Запись 1345 г. выполнена крупным почерком на отдельном листе; она имеет торжественный и официальный характер (рис. 4). Т. В. Гимон отметил, что по сравнению с Н1Л мл. в Синодальном списке добавлены «слово “си” про Георгиевскую церковь (уместное, конечно, только в юрьевской летописи)», и «некоторые слова и обороты, придающие определенную торжественность» этому сообщению (речь идет о словах «при архиепископѣ новъгородьскомъ Василии, при посадницѣ Еустафѣи, при тысячьскомъ Аврамѣ», а также об именовании архимандрита Есифа «боголюбивым» и «новъгородьским»).

Многие исследователи писали о том, что приписки Синодального списка за 1337 и 1345 гг. являются оригинальными юрьевскими записями, которые не восходят к НВЛ, а напротив, были позднее использованы на одном из этапов сложения Н1Л мл.²⁸ И. М. Троицкий считал, что этот текст, как и предыдущий, был заимствован уже в XIV в. владычной летописью, которая «постоянно справлялась с Юрьевской».²⁹ Т. В. Гимон поддержал точку зрения И. М. Троицкого, предположив, что известия 1337 и 1345 гг. были внесены в Синодальный список еще до того, как умер Василий Калика, поэтому следующее подробное известие 1352 г. не нашло практически никакого отражения в НВЛ.

Известие 6860 [1352] г.

Синодальный список Н1Л ст.

Н1Л мл.

В лѣто 6860 [1352]. Добиша челомъ новъгородьци, бояре и черныи люди, архиепископу новъгородьскому владыцѣ Василию, чтобы «еси, господине, ехаль нарядилъ костры во Орѣховѣ»; и онъ ехавъ, костры нарядилъ и приеха в Новъгородъ. И приехаша послове из Пскова, биша челомъ владыцѣ Василию, ркуче такъ: «Богови тако изволю, святой Троицѣ, дѣтемъ твоимъ псковичемъ Богъ

В лѣто 6860 [1352]...

приехаша послове **плесковьскыи в Новъгород, зовуще** владыку Василья к собѣ, дабы ихъ благословилъ,

²⁸ Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1, кн. 2. С. 437; Янин В. Л. К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в. // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 180–181; Vodoff W. Quelques remarques... P. 751; Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи. С. 17, 70.

²⁹ Троицкий И. М. Опыт анализа первой Новгородской летописи. С. 359–360.

реклъ жити дотолѣ, чтобы еси, господине, былъ у святой Троици и дѣтии своихъ благословилъ псковиць». И онъ не умедли поеха, поимя собою архимандрита Микифора, игумены, попове, приеха въ Псковъ, служи въ святой Троици, у святой Богородици на Снѣтной горѣ, у святого Михаила, у Ивана Богослова, опять въ святой Троици, ходи около города со кресты, и благослови дѣти своихъ всихъ псковиць. Поеха ис города, доеха до Прощеника въ день недѣлныи; обечерившися за Прощеникомъ съ едину версту, на рѣцѣ на Чересѣ сташа; и разболѣся ту; привезоша его в манастири ко святому Михаилу, усть Узы рѣки, на Шелонѣ; и приставися ту, на память святого мученика Уакинфа, въ вторникъ; привезоша ъ в Новъгородъ в четвергъ, мѣсяця июля въ 5, на память святого отца Лампада; проводи и архиепископъ новгородьскый владыка Моисѣи, игумени и попове и весь Новъгородъ, и положиша и у святой Софьи притворѣ.

и владыка послуша молбы их, поеха к нимъ,

и, приехавши, благослови их;

и идя изо Пскова в Новгород, преставися на пути, на рѣцѣ на Узѣ, мѣсяця июля в 3 день, на память святого мученика Акинфа, вторникъ въ 9 час дня.

Т. В. Гимон отмечает, что «приписка 6860 г. представляет собой независимый от владычной летописи (ср. Н1Л мл.) юрьевский рассказ о кончине архиепископа Василия Калики. В. Водов предполагает, что автором приписки 1352 г. в Синодальном списке был лично юрьевский архимандрит Никифор, прямо упоминаемый в числе лиц, сопровождавших архиепископа в его поездке во Псков.³⁰ Если даже это и не так, архимандрит безусловно был информатором: запись Синод<ального> списка> значительно подробнее соответствующего известия Н1Л мл.»³¹

Таким образом, не вызывает сомнений, что дополнительные записи Синодального списка делались в Юрьевом монастыре в целом практически синхронно описываемым событиям. Для понимания исторического контекста, в котором они могли быть созданы, следует дать характеристику этой обители как центра книжности.

2. Юрьев монастырь

Принято считать, что Юрьев (св. Георгия) монастырь являлся древнейшим монастырем в Новгородских землях; полагают, что он был основан около 1030 г. в дни княжения в Киеве Ярослава (Георгия). Это мнение основано на указании В. Н. Татищева, который, однако, высказал его не в основном тексте, а лишь в примечаниях к своей «Истории Российской», и без ссылки на источники. Единственным обоснованием историку послужило

³⁰ *Vodoff W. Quelques remarques... P. 751.*

³¹ *Гимон Т. В.* Новгородское историописание в правление архиепископа Василия Калики.

соображение, что крестильным именем князя Ярослава Владимировича было Георгий, следовательно, он мог основать монастырь «в свое имя». Как заметил Е. Голубинский, «само собою очевидно, что это основание вовсе не достаточное». Первое упоминание Юрьева монастыря в НЛ ст. датировано лишь 1119 г.: «Заложи Кюрьякъ игумень и князь Всеволодь церковь камяну манастырь святого Георгия Новгород». Но некоторые косвенные аргументы свидетельствуют в пользу возможной более ранней даты основания обители. Во-первых, в приведенном летописном свидетельстве об игумене Кириаке говорится не как о поставленном в только что учрежденный монастырь, а как об уже действующем. Во-вторых, в составе монастырской библиотеки хранились рукописные книги, датируемые XI в. — Жития Кондрата и Феклы и Евгеньевская псалтырь. Конечно, они могли появиться в монастырской библиотеке и позднее, но сама особая роль Юрьева монастыря в последующие годы позволяет осторожно предполагать его приоритет и в хронологическом смысле. В. Л. Янин пришел к выводу, что получение юрьевским игуменом титула «архимандрит новгородский» относится к рубежу XII—XIII вв., ко времени игуменства Савватия (1194 — 1226). А. А. Гиппиус предложил еще более точное определение датировки появления титула «архимандрит новгородский»: первые годы игуменства Савватия, между 1194 и 1199 г. Новгородская архимандрития, глава которой избирался на вече, по мнению В. Л. Янина, стала независимой и от архиепископа Новгородского. Развивая мысль о связи монастырей с концами и кончанским управлением, В. Л. Янин пришел к заключению, что монастыри, основанные боярами одного конца, подчинялись одному главному кончанскому монастырю, а игумены этих обителей, в свою очередь, подчинялись новгородскому архимандриту. Некоторые исследователи, однако, подвергали сомнению тезис о неподчиненности монастырей владыке. Анализ книгописной деятельности в Юрьевом монастыре позволил сделать вывод, что иноки этой обители охотно заказывали рукописи «на стороне», пополняли свою библиотеку, но сами книгописанием не занимались. Два с половиной листа записей, приплетенных к Синодальному списку НЛ ст. — это все, что сохранилось до наших дней из манускриптов, вышедших из-под пера юрьевских монахов вплоть до XV в.³²

Но в середине XV в. в Юрьевом монастыре обитал автор одной очень интересной летописи. Речь идет о тексте Летописи Авраамки за целое десятилетие — с 1447 по 1457 г.³³ Обращает на себя внимание то обстоятельство, что точные даты событий, связанных с владыкой, приведены летописцем только при описании работ в церкви Иоанна Предтечи на Торгу (1453 г.) и отношений Новгорода с князьями во время войны 1456 г. Подавляющее большинство точных дат юрьевский летописец приводит при описании «мирских» политических событий: военных столкновений, дип-

³² Подробнее см.: *Бобров А. Г.* Монастырские книжные центры Новгородской республики // *Книжные центры Древней Руси: Севернорусские монастыри.* СПб., 2001. С. 16–21.

³³ Подробнее см.: *Бобров А. Г.* Летописец новгородского владыки Евфимия середины XV века // *Летописи и хроники: Новые исследования.* 2008. М.; СПб., 2008. С. 124–151.

ломатических переговоров, происшествий в княжеском роде.³⁴ Только три известия из 20, имеющих точную дату, хотя бы косвенно относятся к церковным делам (пожар в Юрьевом монастыре — 1451 г., разрушение и восстановление церкви Иоанна Предтечи на Торгу — 1453 г.), но при ближайшем рассмотрении оказывается, что и они связаны с княжеской историей. Пожар в Юрьевом монастыре упомянут сразу после точно датированного известия о том, что князь Дмитрий Шемяка «поѣха» из Новгорода 21 марта 1451 г., «а княгиню свою оставивъ в Великомъ Новѣгородѣ, и сына Ивана». Из предшествующего текста за 6957 г. известно, что с осени 1448 г. жена Шемяки Софья и их сын Иван находились именно в Юрьевом монастыре, поэтому описание пожара в нем может быть также отнесено к событиям, непосредственно касающимся княжеского дома.

Летописец проявляет поразительное знание деталей юрьевской топографии, ему известно и точное время начала пожара: «Тои весны погорѣ Юрьевъ манастырь весь, отъ Спаса да отъ сѣней отъ домовныхъ къ Рожеству Христову по ручей; а загорѣся назавтрѣ Радуничъ, в среду на ночь».³⁵ Кроме того, он указывает место захоронения («у святого Георгия въ притвори») и точную дату похорон в Юрьеве монастыре княгини Марьи, жены князя Александра Чарторыйского, дочери Шемяки («в пятокъ на Федоровѣ недѣли», т. е. 13 февраля 1456 г.), при этом не считая нужным упомянуть ни обстоятельств, ни места и времени ее смерти. Очевидно, этот летописец описывал современную ему историю, глядя на нее из Юрьева монастыря. В этом нет ничего удивительного, поскольку Новгородская пятая летопись (1447) создавалась, судя по ее специфическим чтениям, в Пантелеймоновом монастыре, не только непосредственно прилежавшим территориально к Юрьеву монастырю, но и связанным с ним общей историей.³⁶ Две точные даты в Летописи Авраамки относятся к описанию разрушения, воссоздания и освящения церкви св. Иоанна «на Петрянине дворе, в Торгу» под 1453 г. Из владычной летописи мы узнаем, что подготовительные работы в церкви начались в воскресенье, 3 июня 1453 г.: «Того же лѣта, веснѣ, почаша рушити церковь камену святого Ивана на Петрятинѣ дворѣ, в Торгу, повелѣниемъ владыкы Еуфимия, мѣсяца июня въ 3 день в недѣлныи, на память святого Лукиана». Предыдущее известие того же года («тои зимы») сообщает о приезде в Новгород князя Дмитрия Шемяки с войны «изъ Заво-

³⁴ Из 20 точных дат 17 (85%) напрямую относятся к событиям такого рода (приход войска новгородцев с князем Александром к р. Нарове, сражение с «немцами» на р. Нарове, возвращение войска с р. Наровы — 1447 г.; приезд в Новгород князя Дмитрия Шемяки — 1449 г.; отъезд его из Новгорода — 1451 г.; смерть князя Дмитрия Шемяки — 1453 г.; выход в поход князя Василия Темного на Новгород, взятие Русы, выход новгородцев на войну из города, сражение при Русе, взятие Василием Темным Молвотиц, побег из Новгорода вдовы Шемяки княгини Софьи, погребение княгини Марьи (дочери княгини Софьи), отъезд владыки Евфимия на переговоры с великим князем, приход войска псковичей на помощь Новгороду, возвращение владыки Евфимия с миром, приезд в Новгород князя Юрия Васильевича — 1456 г.).

³⁵ Для 1451 г. точной датой будет 28 апреля. Выражение «назавтрѣ Радоничъ» встречается также в Синодальном списке Новгородской 4 летописи под 6880 [1372] г., когда следующий после Радоницы день был 7 апреля (ПСРЛ. М., 2000. Т. 4, ч. 1. С. 297).

³⁶ Бобров А. Г. Новгородские летописи XV в. С. 220—222.

лочья», а следующее после него — о смерти Шемяки во вторник, 17 июля 1453 г. В свою очередь, после сообщения о смерти Дмитрия Юрьевича следует известие о воссоздании и освящении церкви св. Иоанна: «Того же лѣта свершиша церковь святого Ивана в Торгу, на Петрятинѣ дворѣ, мѣсяца септѣврия въ 23 день, в недѣлю; и священна бысть архиепископомъ владыкою Еуфимиемъ на память Зачатия святого Иоанна».³⁷ Такое чередование в летописце Евфимия событий, связанных с судьбой Дмитрия Шемяки и с работами в церкви Иоанна Предтечи, представляется не случайным. Для нас изучение контекста известий о работах в церкви св. Иоанна Предтечи имеет принципиальное значение. Как известно, эта знаменитая церковь («Иоанна на Опоках») была построена князем Всеволодом Мстиславичем «в имя сына своего» Ивана в 1127 г. и получила от него пожалование («Рукописание Всеволода»)³⁸. Существенным представляется тот факт, что у князя Дмитрия Шемяки тоже был сын Иван, и возобновление княжеской по происхождению церкви могло иметь смысл выражения его поддержки архиепископом Евфимием и новгородцами. Деятельное участие архиепископа Евфимия в судьбе этой церкви символизировало политическое единство Великого Новгорода и великого князя Дмитрия Юрьевича с сыном Иваном. Это единство проявилось и в летописании.

Летописец в равной степени описывает события, связанные как с архиепископом, так и с княжеским домом, при этом точные даты он проставлял даже чаще при описании последних. Он выполнял двуединую задачу, создавая своего рода совместное «княжеско-владычное» летописание. Такой необычный симбиоз оказался возможным благодаря присутствию в Великом Новгороде семьи и, очевидно, двора великого князя Дмитрия Юрьевича Шемяки, который сам был «книжным» человеком.³⁹

Вопреки большинству известий московских великокняжеских сводов, новгородский летописец на всем протяжении текста последовательно именует Дмитрия Шемяку «великим князем», а его жену Софию — «великой княгиней». Шемяка действительно назывался великим князем с середины 1430-х гг.⁴⁰ Столица великого князя Василия II находилась в Москве, а ве-

³⁷ Позже, в 1455 г., был «подписанъ святыи Иванъ на Петрятинѣ дворѣ, повелѣниемъ владыкѣ Еуфимия» (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 194).

³⁸ См.: Янин В. Л. Буевище «Петрянино дворище» в Новгороде // Янин В. Л. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 190–201. Об этой же церкви говорится в Повести о посаднике Добрыне, где рассказывается история о наказании получившего мзду посадника Добрыни, который был «утоплен вихрем» в Волхове за содействие «немцам» и повеление перенести церковь Иоанна Предтечи на другое место (см.: Бобров А. Г. «Повести древних лет» // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 140–141, 160–161).

³⁹ Об этом свидетельствуют его противники, церковные иерархи, направившие ему в 1447 г. послание с призывом прекратить борьбу за великое княжение, в котором авторы говорят Шемяке, что «...как ти дал Бог разум, потонку разумеешь Божественное писание» (Русский феодальный архив XIV—первой трети XVI века. М., 1986. [Вып.] 1. С. 114).

⁴⁰ Именно к этому времени Я. С. Лурье относит так называемые «двуименные» монеты Василия II и Дмитрия Шемяки, содержащие надписи «князя великого Василия» и «князя великого Дмитрия». Так как под 1437 г. оба они были названы в летописи «великими князьями», исследователь приходит к выводу, что между 1436 и 1445 г. на

ликого князя Дмитрия Шемяки — в Угличе. К этому же времени относится известная «Шемякина плащаница» — «воздѣх», являющийся вкладом в Юрьев монастырь князя Дмитрия Юрьевича, его жены Софьи и сына Ивана. Шитая золотом вкладная запись на этой плащанице почерком XIX в. (повторяющая содержание древней утраченной надписи) гласит следующее: «В лѣто 6957 индикта 7, какъ былъ велики князь (курсив мой. — А. Б.) Дмитрии Юриевичъ в Великом Новѣгородѣ, и повелением великаго князя наряжен бысть сии воздухъ въ храмъ святаго великомученика Георгия того же лѣта месяца августа въ 23 день...».⁴¹ До 1448 г. жена Шемяки Софья и сын Иван некоторое время находились в Галиче, но начавшийся новый этап феодальной войны принудил Дмитрия Юрьевича искать для своей семьи более безопасное место, и он, как мы узнаем из Летописи Авраамки, обратился к новгородцам с просьбой принять «княгню и сына Ивана».⁴² В ответ на просьбу Шемяки «архиепископъ владыка Еуфимии и Великий Новгородъ прияша княгню великую Софью и сына Ивана в честь, и въѣха в осеннѣ въ Юрьевъ монастырь, а самъ князь великий Дмитрии Юриевичъ, въ Великомъ Новѣгородѣ не бывъ, пошедь Галицю».⁴³ Как сообщает летописец, 2 апреля 1449 г. великий князь Дмитрий Юрьевич «челова крестъ» Великому Новгороду, а новгородцы — великому князю. Шемяка сел на новгородском столе как великий князь, поскольку одновременно с ним в Новгороде, согласно Летописи Авраамки, был и служилый князь — Александр Васильевич Чарторыйский.⁴⁴

Окончательно вернувшись в Новгород в начале 1453 г., Дмитрий Юрьевич Шемяка начал мирные переговоры с Василием Темным, а в июле того же года он был отравлен по поручению великого князя. Само отравление не было тайной для современников (в некоторых летописях упоминается, что Дмитрий Шемяка «умре со отравы»⁴⁵ или что «даша ему лютаго зеля»⁴⁶), но московское великокняжеское летописание, несмотря на это, умолчало об обстоятельствах смерти Шемяки, заметив лишь, что он умер «напрасно» (внезапно, безвременно⁴⁷) и что подьячий, принесший эту весть в Москву, был поставлен дьяком. В неофициальном летописании мы встречаем два варианта рассказа о смерти Дмитрия Юрьевича: в Кирилло-Белозерском своде 1472 г. (по Ермолинской летописи)⁴⁸ и в тексте Львовской летописи, восходящей к неофициальному своду 1480-х гг.⁴⁹ Оба варианта признают, что отраву в Новгород привез великокняжеский дьяк Стефан

Руси было своего рода «двоевластие» (*Лурье Я. С.* Двуменные монеты Василия II и Шемяки и двоевластие в Москве // *Средневековая Русь.* М., 1986. С. 84–88).

⁴¹ *Николаева Т. В.* Произведения русского прикладного искусства с надписями XV—первой четверти XVI в. М., 1971. С. 43 (Археология СССР. Свод археологических источников. Е1—49).

⁴² ПСРЛ. Т. 16. Стб. 192.

⁴³ *Зимин А. А.* Витязь на распутье. М., 1991. С. 122.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 192–193.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 4, вып. 2. С. 464, 490.

⁴⁶ Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец) / Подгот. к печати, ред. К. Н. Сербиной. М.; Л., 1950. С. 83.

⁴⁷ *Словарь русского языка XI—XVII вв.* М., 1983. Вып. 10. С. 194–195.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 23. С. 155.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 20, перв. пол. С. 262.

Бородатый, причем в версии Львовской летописи прямо отмечено, что он был вхож в дом Шемяки: «Того же лѣта посла великий князь Стефана Бородатого въ Новгородъ съ смертнымъ зелиемъ уморити князя Дмитрея. Онъ же приѣха въ Новгородъ къ боярину княжо Дмитриеву Ивану Котову, поведи ему речъ великого князя, он же обещася, якоже глаголетъ Давидъ: яды хлебъ мои възвеличи на мя лествь; призва повара на сеи советъ. Бысть же князю Дмитрею по обычю възхоте ясти о полудни и повеле себе едино куря dospети. Они же оканнии смертнымъ зелиемъ dospеша его и принесоша его предъ князь; и яде не ведый мысли ихъ; не случи же ся никому дати его. Ту же разболеся и лежа 12 дней, преставися».⁵⁰

Итак, сохранившийся до наших дней в единственном списке Летописи Авраамки текст новгородского летописания за 1447—1457 гг. принадлежит перу книжника, трудившегося, вероятнее всего, в Юрьевом монастыре. Летописец почти всегда указывал дни недели, в которые происходили описываемые события; большинство точных дат приводил при описании не церковных, а «мирских» политических событий: военных столкновений, дипломатических переговоров, происшествий в княжеском роде. Юрьевский летописец в равной степени описывал события как связанные с княжеским домом, так и с архиепископом, создавая тем самым своего рода совместное «княжеско-владычное» летописание. Этот своеобразный симбиоз оказался возможным благодаря присутствию на новгородском столе великого князя Дмитрия Юрьевича. Повествуя о событиях середины XV в., юрьевский летописец сохранил для нас уникальные сведения о пребывании Шемяки в Новгороде, о событиях в его доме. Как мы видим, в этот дом был вхож и великокняжеский дьяк Степан Бородатый.

3. Дьяк Степан Бородатый

Безусловно, дьяк Степан Бородатый был одним из ближайших к великокняжеской семье людей.⁵¹ Так, именно он передает летописцу семейную легенду о чудесных обстоятельствах рождения Василия Темного (опасная болезнь матери, предсказание некоего старца монастыря Иоанна Предтечи на Бору о благополучных родах, указание неизвестного лица духовнику великого князя назвать младенца именем Василий).⁵² Известно, что «замышлением» дьяка Степана Бородатого в Москве с 8 января по 25 марта 1452 г. была переписана Хроника Георгия Амартола для архиепископа Новгородского Евфимия II и его казначея старца Феодора, «сердечнаго его ради еже о сеи книзѣ желаниа и любви».⁵³ Можно констатировать определенные

⁵⁰ Там же.

⁵¹ См. о нем: *Лурье Я. С.* Стефан Бородатый // *Словарь книжников*. Ч. 2: Вторая половина XIV—XVI в. Л., 1989. С. 416—417; *Пономарева И. Г.* Великокняжеский дьяк Стефан Никифорович Бородатый // *Вопросы истории*. 2012. № 3 (март). С. 120—128.

⁵² См.: ПСРЛ. Т. 24. С. 177; ПСРЛ. Т. 25. С. 241—242.

⁵³ РГБ, ф. 98 (собр. Е. Е. Егорова), № 863, л. 347 об. (см.: *Анисимова Т. В.* О трех малоизвестных списках Хроники Георгия Амартола из собрания Е. Е. Егорова (XV—XVI вв.) // *Опыты по источниковедению: Древнерусская книжность: Археография, палеография, кодикология*. СПб., 1999. С. 24—26). Заметим, что Ефросин Белозерский несколько раз переписывал в свои сборники отдельные фрагменты текста, восходящие

контакты между двумя влиятельными государственными руководителями Новгорода и Москвы. «Новгород, где скрывался Дмитрий Шемяка, был нужен Москве в качестве союзника, и в этом ракурсе исполнение “желания” казначея новгородского архиепископа приобретало государственное значение», — справедливо замечает Т. В. Анисимова.⁵⁴ Напомним, что Стефан Бородатый был вхож и в дом Дмитрия Шемяки: он приезжает «къ боярину княжо Дмитриеву Ивану Котову», и они вместе приглашают повара «на сеи советъ».

В дальнейшем, до самой смерти Василия Темного, дьяк Степан Бородатый продолжает выполнять его ответственные дипломатические поручения. В 1450-х гг. он ездил с какой-то миссией в Литву к королю Казимиру. Мы узнаем об этом из текста верительной грамоты митрополита Ионы дьяку великого князя Степану Бородатому и митрополичьему дьяку Василию Карло, отправленным к польскому королю и литовскому великому князю Казимиру IV, обращаясь к которому, Иона пишет: «...и брат ваш, князь велики[й], о всем к тебе на своем листу написал и речми с своим дьяком со Степаном приотказ[ал]. И Бог даст, господине и сыну, на его листу о всем великое ваше господство познает и от его посла послышишь».⁵⁵ Комментаторы (А. И. Плигузов и Г. В. Семенченко) датируют составление верительной грамоты дьякам Степану и Василию временем «между февралем 1451 г. и летом 1458 г.», замечая, что никаких известий о посольствах за эти годы источники якобы не сохранили.⁵⁶ На самом деле существует информация о поездке в Литву некоего великокняжеского «слуги» именно в эти годы. В материалах о местническом споре между Петром Михайловичем Плещеевым и Петром Лобаном Григорьевичем Заболоцким 7012 [1504] г. представлена несохранившаяся до наших дней грамота, в которой говорилось: «...Приехол слуга мои из Литвы (курсив мой. — А. Б.), а сказовают, что перед ним приехола княиня Дмитриева Шемакина к сыну в Оболцы...».⁵⁷ Вполне возможно, что верительная грамота Ионы дьякам Степану Бородатому и Василию Карло относится к этому посольству

к Хронике Георгия Амартола: КБ 22, л. 423 об.—425 об.; КБ 11, л. 368 об.—369 об.; 380—382.

⁵⁴ Анисимова Т. В. О трех малоизвестных списках Хроники Георгия Амартола... С. 28.

⁵⁵ Русский феодальный архив XIV—первой трети XVI века. [Вып.] 1. С. 206—207 (№ 61; публикация текста); Русский феодальный архив XIV—первой трети XVI века. М., 1992. [Вып.] 5. С. 1017—1018 (комментарий).

⁵⁶ Русский феодальный архив XIV—первой трети XVI в. [Вып.] 5. С. 1018. Т. В. Анисимова, незнакомая с публикацией Послания митрополита Ионы и с комментариями к публикации в указанном выше издании, без обоснования относит посольство ко времени «около 1450 г.» (Анисимова Т. В. О трех малоизвестных списках Хроники Георгия Амартола... С. 25).

⁵⁷ Разрядная книга 1475—1605 гг. / Сост. Н. Г. Савич; Под ред., с предисл. В. И. Буганова. М., 1977. Т. 1, ч. 1. С. 83—84. Согласно В. Л. Янину, грамота может быть датирована концом февраля—мартом 1456 г. (Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 182), но поскольку княгиня София Дмитриевна покинула Новгород только 7 февраля 1456 г., поездку великокняжеского «слуги» в Литву и упоминающую ее грамоту следует датировать несколько более поздним временем, предположительно весной—летом 1456 г.

1456 г., т. е. «слугой» был назван именно Степан Никифорович. Хотя русско-литовские переговоры и консультации, посвященные опасности для Москвы, исходившей от литовских «беглецов», а также судьбе захваченной еще Дмитрием Шемякой великокняжеской казны с грамотами, могли происходить в это время достаточно регулярно, в данном случае обращает на себя внимание удивительная осведомленность великокняжеского «слуги».

В январе 1462 г. дьяк Степан являлся участником посольства великого князя Василия Темного в Великий Новгород. По мнению новгородского летописца, современника описываемых событий, это посольство было связано с какой-то «неправдою и нечестью», причем «отъ многа замышления княжа возмуцахуся новгородци»; архиепископ решил не ехать в Москву, куда его, очевидно, приглашали послы, в результате чего «нача князь великий Василей Васильевич возмутатися отъ гнѣва на архиепископа Иону и на Великий Новгородъ».⁵⁸ Хотя содержание переговоров из слов летописца понять трудно, по обоюдному «возмущению» сторон очевидно, что проходили они очень напряженно. Вскоре, в 1463 г., новгородцы направили в Литву посольство «о княжи возмущении еже на Великий на Новгородъ Ивана Васильевича (...) ко князю Ивану Ондреевичю Можайску и къ князю Ивану Дмитриевичю побороть по Великому Новгороде отъ князя великого».⁵⁹ Употребление летописцем в известии 1463 г. того же самого термина «возмущение», что и при описании переговоров 1462 г., позволяет увязать требования московского посольства, в котором принимал участие дьяк Степан Бородатый, с последующим фактическим отказом Новгорода от положений Яжелбицкого мирного договора 1456 г. и обращением к находящимся в Литве князьям за помощью против притязаний Москвы.⁶⁰ После смерти Василия Темного, при его сыне Иване III, дьяк Степан Бородатый перешел на службу к вдове Василия — Марии (Марфе) Ярославне («своей государыне» великой княгине Марье он купил село на Клязьме).

Итак, дьяк Степан был ближайшим доверенным лицом великого князя Василия Темного, выполнявшим самые деликатные его поручения по делам, связанным с Дмитрием Юрьевичем Шемякой и его семьей, а также с Литвой и Новгородом. Он представляется источниками также в качестве известного в свое время знатока летописей. В 1471 г., когда дьяк уже служил при дворе Марии Ярославны, Иван III, собираясь в поход на Новгород, специально «испроси у матери своей... дьяка Степана Бородатого». Летописец объяснил причину просьбы так: Степан требуется в качестве «умеюща говорити (вариант: «воротити». — А. Б.) по летописцомъ Русскимъ: егда, рече, придуть, и онъ въспоминаеть ему говорити противу ихъ измены давныя, кое изменяли великимъ княземъ въ давныя времена, отцемъ его, и дедомъ, и прадедомъ».⁶¹ Я. С. Лурье пояснил, что здесь Степан «выступает в роли знатока летописания, умеющего использовать летописный рассказ с политической целью».⁶²

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 207.

⁵⁹ Там же. Стб. 214.

⁶⁰ Скорее всего, московское посольство потребовало от Новгорода целовать крест как великому князю Ивану III.

⁶¹ ПСРЛ. Т. 20, перв. пол., ч. 1. С. 282; ПСРЛ. Т. 6, вып. 2. Стб. 172.

⁶² Лурье Я. С. Стефан Бородатый. С. 417.

Мы видим присутствие в Новгороде, и даже точнее — в Юрьевом монастыре, где живет семья Шемяки, несомненного сторонника политики московских князей, дьяка Степана Бородатого, умеющего «воротити» летописцами (т. е., по-видимому, толковать их в нужном свете и выискивать подходящие к случаю примеры). Более того, он специализировался именно на новгородских «изменах»: «говорити противу ихъ измены давныя, кое изменяли великимъ княземъ въ давныя времена, отцемъ его, и дедомъ, и прадедомъ». Можно утверждать, что у него была не только возможность, но и мотив внести столь приятную сердцу московских великих князей правку в список новгородской летописи.

4. «За новгородскую измену»

Т. В. Гимон подробно останавливается на проблеме правки Синодального списка. Он пишет: «Исследователи давно обратили внимание на то, что в известии 6840 г. (2-я приписка) по выскобленному другими чернилами и почерком написано «за новгородскую измѣну» (речь идет о походе московского князя Ивана Даниловича на Новгородскую землю, л. 167). Судя по Н1Л мл., первоначально на этом месте читалось «чересь крестное цѣлование».⁶³ Одновременно с этим, по всей вероятности, было произведено и другое аналогичное исправление, отмеченное А. Н. Насоновым. В статье 6746 г. (л. 122 об., рассказ о нашествии Батюя) в предложении: «Москвичи же [побѣгоша] ничегоже не видѣвшѣ» в Синодальном списке выскоблено слово «побѣгоша».⁶⁴ Оба исправления явно носят промосковский характер. Первоначально исследователи объясняли исправление под 6840 г. позднейшей московской «цензурой».⁶⁵ Однако этому противоречит то отмеченное А. Н. Насоновым обстоятельство, что первое из исправлений было произведено до написания статьи 6845 [1337] г. на обороте того же листа (3-й приписки Син.), т. е. промосковскую правку сделал современник событий, новгородец, и, скорее всего, монах Юрьева монастыря.⁶⁶ В. Водов справедливо видит в этом исправлении подтверждение промосковской позиции Юрьева монастыря в период архимандритства Есифа.⁶⁷ Дополнительные исторические соображения в пользу такой интерпретации привел С. В. Богданов.⁶⁸

Недавно А. В. Севальнев предложил вернуться к идее о сравнительно более поздней московской цензуре. Он предложил задуматься о возможной

⁶³ *Приселков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв. 2-е изд. СПб., 1996. С. 36—37; ПСРЛ. Т. 3. С. 99, примеч. 2.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. 3. С. 75, примеч. 2.

⁶⁵ *Приселков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв. С. 36—37; *Лихачев Д. С.* 1) Софийский временник и новгородский политический переворот 1136 г. // Исторические записки. Т. 25. 1948. С. 265; 2) Текстология: На материале русской литературы X—XVII веков. 3-е изд., перераб. и доп. СПб., 2001. С. 94.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. 3. С. 99, примеч. 2.

⁶⁷ *Vodoff W.* Quelques remarques... P. 751—752.

⁶⁸ *Богданов С. В.* К вопросу о датировке жалованных грамот великого князя Ивана Даниловича Юрьева монастырю и печорским сокольникам. С. 238—239.

связи исправления в статье 6841 г. (рис. 6) с 1470-ми гг., с эпохой противостояния Ивана III и Новгорода. При этом исследователь полагает, что тогда же, в 1470-х гг., на обороте л. 167 могла появиться запись 6845 г. А. В. Севальнев видит в этом целенаправленную палеографическую мистификацию: «цензор» XV в. не просто хотел поправить нечто в описании событий более чем столетней давности, но стремился представить дело так, будто сами новгородцы, современники событий 6841 [1333] г., сделали такое исправление.⁶⁹

Точка зрения А. В. Севальнева, по мнению Т. В. Гимона, «исходит из представления о том, что в XV в. образованным людям было присуще весьма развитое палеографическое “чутье”»: один книжник мог специально создать такую мистификацию в расчете на то, что другие не просто прочитают этот текст, но, посмотрев на исправление и на текст на обороте, сделают вывод, что исправление было произведено современниками событий. Не является ли такой ход мыслей анахронизмом для XV в.?». ⁷⁰ Гипотеза А. В. Севальнева является, на взгляд Т. В. Гимона, чрезмерно сложным объяснением при наличии куда более простого. Этим простым объяснением является промосковская позиция архимандрита Есифа, каковая подтверждается жалованными грамотами Ивана Калиты Юрьеву монастырю.⁷¹ А. В. Севальнев не соглашается с таким объяснением потому, что исправление в Синодальном списке было сделано «в вызывающей для новгородцев форме», на что вряд ли бы решился современник.⁷² Однако, возражает на это в свою очередь Т. В. Гимон, «если этот современник работал с летописью, находившейся в могущественном монастыре, настоятель которого как раз и разделял такую промосковскую позицию, в подобном “вызывающем” исправлении не было ничего невозможного».⁷³

В этой весьма интересной дискуссии я не могу согласиться с Т. В. Гимон в датировке двух «промосковских» исправлений, произведенных в Синодальном списке. Исследователь вслед за А. Н. Насоновым утверждает, что второе из этих исправлений произведено до того, как был написан текст на обороте того же листа, т. е. до 6845 [1337] г., иными словами — почти сразу после написания этой части текста (около 1333 г.); «...первое исправление также является промосковским и, вероятно, было сделано тогда

⁶⁹ Севальнев А. В. Когда и кем было исправлено известие Синодального списка Новгородской I летописи о взятии Иваном Калитой Торжка и Бежецкого Верха?: (К вопросу о практической палеографии средневековья) // Вспомогательные исторические дисциплины: Классическое наследие и новые направления: Материалы XVIII науч. конф., Москва, 26–28 января 2006 г. М., 2006. С. 366–369.

⁷⁰ Гимон Т. В. Новгородское историописание в правление архиепископа Василия Калики. Исследователь в этой связи ссылается на работу: Зимин А. А. К изучению фальсификации актовых материалов в Русском государстве XVI–XVII вв. // Тр. Московск. гос. историко-архивного ин-та. М., 1961. Т. 17. С. 399–428, где приводится ряд примеров фальсификации документов и их разоблачений в XVI–XVII вв.

⁷¹ См.: Богданов С. В. К вопросу о датировке жалованных грамот великого князя Ивана Даниловича Юрьеву монастырю и печорским сокольникам. С. 226–245.

⁷² Севальнев А. В. Когда и кем было исправлено известие Синодального списка... С. 367.

⁷³ Гимон Т. В. Новгородское историописание в правление архиепископа Василия Калики.

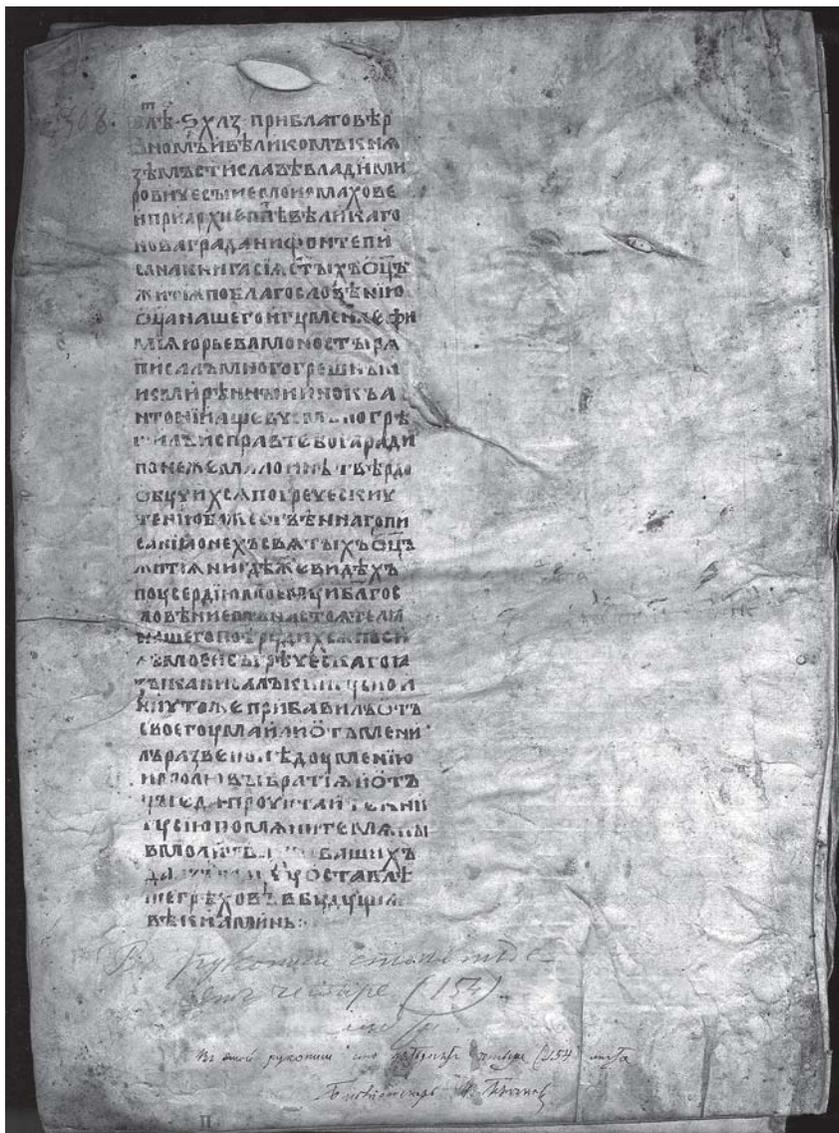

Рис. 7. РНБ, собр. М. Н. Погодина, № 71 б, л. 154 об.
Подложная запись «1129/1130 г.». Юрьев монастырь

же». Мне же кажутся весьма основательными соображения А. В. Севальнева, который предложил вернуться к давней идее о сравнительно поздней московской цензуре (не XIV, а XV в.) и видит здесь целенаправленную паалеографическую мистификацию древнерусского книжника.

Т. В. Гимон замечает, что «гипотезе А. В. Севальнева нельзя отказать в остроумии», однако считает, что ее «следовало бы обосновать на каких-то более однозначных примерах». Такой пример, причем относящийся именно к Юрьеву монастырю, нам известен: это подложная запись о написании Сборника житий (РНБ, собр. Погодина, № 71 б, л. 154 об.) якобы

в 1129/1130 г. («по благословению отца нашего игумена Ефимия Юрьева монастыря, писалъ многогрешный и смиренный инокъ Антонии <...> съ греческаго языка писалъ книгу сию») (см. рис. 7). Эта юрьевская запись в рукописной книге, весьма искусно имитирующая древний почерк, но сделанная, скорее всего, средневековым книжником, является достаточно точным аналогом фальсификации текста в Синодальном списке.⁷⁴

Более того, мы знаем, когда именно в XV в. «промосковские» книжники могли заниматься летописанием в Юрьевом монастыре. Это было в 1447–1457 гг., когда здесь находился двор Дмитрия Юрьевича Шемяки, а также его семья и велось совместное «княжеско-владычное» летописание, отразившееся в Летописи Авраамки за эти годы. Нет никаких сомнений в том, что этот летописец глядел на современные ему события из Юрьева монастыря. Кроме того, к Дмитрию Шемяке в начале 1450-х гг. приезжал, как мы достоверно знаем, известный московский великокняжеский дьяк, знаток летописей и специалист по «новгородским изменам» Степан Бородатый (умеющий «ворочати» летописцами), которого А. В. Севальнев справедливо подозревает в фальсификации текста (правда, он предположительно относит эту правку чуть к более позднему времени, к 1470-м гг.). Степан был допущен в дом Шемяки, общался с его поваром и боярином, а семья князя Дмитрия, как известно, находилась именно в Юрьевом монастыре.

Таким образом, гипотеза А. В. Севальнева о «промосковской» фальсификации текста летописи в Юрьевом монастыре XV в. находит дополнительные подтверждения и оказывается весьма убедительной. Одинокий и нехарактерный для XIV в. пример, когда якобы «рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы»,⁷⁵ следует в таком случае отнести к более позднему времени, когда функции летописей изменились, и они действительно стали орудием в борьбе за власть. Можно полагать, что промосковские исправления в Синодальном списке сделаны «рукой Москвы» в середине XV в. и что фальсифицировал летописный текст великокняжеский дьяк Степан Бородатый.

⁷⁴ Бобров А. Г. Монастырские книжные центры Новгородской республики. С. 18–21 (прочтение текста — на с. 18, фотокопия записи — на с. 19).

⁷⁵ Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1, кн. 2. С. 538.